

М.Ю. Савельев

КАК ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ МЕНЯЮТ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ КАРТИНУ МИРА

В статье средствами структурного анализа исследуются существующие концептуальные и методические средства конкуренции территорий, принадлежащих разным культурам хозяйствования, на предмет выявления форм конкурентной борьбы и оценки разнообразия средств, применяемых в этой борьбе в условиях двух противоположенных процессов – глобализации и традиционализации мирового хозяйства. Рассмотрены межцивилизационные конкурентные стратегии, включая межцивилизационные заимствования элементов управленческих культур. Показано, что территориальные системы управления – это институты, производящие социальные и инфраструктурные услуги и находящиеся в условиях всё нарастающей и ускоряющейся конкурентной борьбы за ресурсы и влияние, как со стороны других территориальных образований, так и иных (нетерриториальных) коммерческих и некоммерческих организаций. Рассмотрены вопросы симметричных и асимметричных форм конкуренции территорий с разными традициями хозяйствования. Показано, что европейская, исламская, индийская, дальневосточная, латиноамериканская, российская и другие традиции хозяйствования с совершенно разными наборами аутентичных им элементов экономической системы вступают в активную конкурентную борьбу не только за ресурсы, но и за право исторической самореализации своей управленческой культуры. При исследовании конкуренции национальных и субнациональных территорий даны характеристики моделей экономического развития регионов: региона-рынка, региона-квазигосударства, региона-квазикорпорации, региона-социума. Исследованы методико-инструментальные средства управления национальными и субнациональными территориями. Выявлена существенная асимметрия этих средств для моделей регион-рынок и регион-квазигосударство, при существенном дефиците для модели регион-социум.

Ключевые слова: глобализация, традиционализация, взаимопроникновение культур, аутентичность культуры, конкуренция цивилизаций, конкуренция территорий, управленческие достижения цивилизаций, межцивилизационные конкурентные стратегии, конкуренция субнациональных территорий

В настоящей статье средствами структурного анализа исследуются существующие концептуальные и методические средства конкуренции территорий, принадлежащих разным культурам хозяйствования, на предмет выявления форм конкурентной борьбы и оценки разнообразия средств, применяемых в этой борьбе.

После информатизации второй по популярности тенденцией мировой экономики является глобализация, реальными проявлениями которой называют: «развитие транснационального капитала, формирование мирового финансового рынка, образование региональных экономических объединений» [1. С. 36]. Другим, более глубоким взглядом на глобализацию является рассмотрение его не с точки зрения развития мирового хозяйства, а с точки зрения усложнения хозяйственных связей в изменяющихся условиях. Глобализация с этой точки зрения не только и не столько интернационализация хозяйства, а качественное повышение его взаимосвязанности [2. С. 189].

Несмотря на очевидные позитивные последствия происходящих процессов, порожденные глобализацией проблемы не имеют аналогов в истории человечества: международный терроризм на фоне возобновления гонки вооружений, нарастающая отсталость и нищета на фоне демографического взрыва, нехватка природных (в первую очередь энергетических) ресурсов на фоне глобальных экологических изменений и региональных техногенных катастроф, дестабилизация мировой экономики на фоне гигантских даже для масштабов мировой экономики спекуляций.

Усугубление этих проблем показывает, что единого, сколь-нибудь устраивающего все мировое сообщество ответа на эти вызовы нет, хотя многие влиятельные группы стран и/или организаций имеют свои решения. Только они нередко взаимоисключающие. И констатация этого факта есть беспорно объединяющий всех ответ: глобализация породила противоположный ей процесс – традиционализацию. Процесс, с одной стороны являющийся формой противодействия нарастающим проблемам, с другой – средством конкурентной борьбы и глобальной специализации, с третьей – поиском иных критериев социального бытия. Даже США с частью их европейских союзников, навязывая всему миру, когда через международные экономические институты (МВФ, Мировой банк, ВТО и пр.), когда напрямую силой, модель либерализма и демократии, действуют всего лишь как традиционалисты своей культуры.

Важнейшим следствием глобализации стало взаимопроникновение культур. Этот процесс явно неравномерен. Одни и те же элементы культур где-то принимаются легко, где-то – существенно

изменяясь, где-то воспринимаются как свои, где-то – активно отторгаются. Ярким примером является методы коллективного управления. Значительная часть их была разработана в США. С высоким эффектом они были восприняты в Японии, но когда они начали реэкспортироваться в США, то оказалось, что индивидуалистическая культура американцев все сильные стороны этих методов превращает в отрицательные последствия: сокращение сроков на коммуникации – в высокую стоимость коллегиальных структур, консолидацию группы – в неопределенность ответственности, единодушие в исполнении принятого решения – в недействительный или неадекватный компромисс и т.д. [3. С. 293-295].

Сейчас можно констатировать, что взаимоотталкивание культур может приобретать и явно антагонистический характер. Речь, конечно, идет о столкновении исламской и европейской культуры, породившей новый тип вооруженного конфликта: между группой государств с одной стороны и международной негосударственной организацией – с другой. Еще *Тейяр де Шарден* предупреждал, «что процесс интеграции человечества идет параллельно с процессом его дифференциации, что наряду с силами центростремительными действуют и центробежные силы, которые могут взорвать или разорвать человечество» [4. С. 152].

С 90-х годов Россия активно включилась в процесс мировой интеграции: значительная часть стратегических производственных ресурсов контролируется ТНК при активном вывозе капитала, оформилась сырьевая специализация в МРТ. Указанные выше глобальные, а также и внутринациональные вызовы предъявляют иные требования к системе управления этой крупнейшей в мире территорией, так как сложившаяся во времена советской власти и окончательно институционализировавшаяся в пореформенный период система управления возникла в совершенно иных условиях и подвергается активной критике, как со стороны российских традиционалистов всех мастей, так и со стороны активных приверженцев интеграции.

Если обобщить эту обширную дискуссию, то разделение мнений проходит на уровне ценности национального самоопределения и соответствующей ей онтологемы – кто мы есть: часть европейской культуры или самостоятельная мировая культура? Отдавая себе отчет в том, что научная работа не место для поиска ответа на этот вопрос, здесь необходимо констатировать, что ответ на него самым существенным образом влияет на проектирование институтов управления территориями.

Новые качества конкуренции

Важнейшим в процессе глобализации является изменение в сути экономической жизни территориальных образований. Мы наблюдаем активное смещение центров принятия решений с национального уровня на наднациональный и субнациональный. Особенно активно эти процессы происходят в Европе, менее заметно в восточной Азии и Америке. Особым случаем является исламский мир, где центр принятия решений сместился с национального на негосударственный международный уровень: государства там все более становятся не субъектами, а инструментами политики организаций, не имеющих национальной идентичности.

Равное с государствами влияние по имеющимся экономическим или идеологическим ресурсам приобретают коммерческие (ТНК и ТНБ) и некоммерческие организации. Среди последних особую роль играют религиозные организации, кроме исламских существенную известность приобрели буддистские и сайентистские группы. Объединение Европы и реальная федерализация России существенно повысили значение внутринациональных региональных групп, претендующих на самоопределение и/или создавших влиятельные региональные партии, и уж обязательно конкурирующих между собой и с национальными организациями за движимые ресурсы (людей, капиталы, производства, инфраструктуру, а в итоге – власть).

Это все снижает значение национальных институтов власти, а точнее – требует от них иной качественной роли. В современных условиях государства все менее являются территориальными объектами и сплошными территориями, как это было в аграрную эпоху, а все более – точечными территориальными объектами (военные базы, месторождения стратегических полезных ископаемых, транспортная инфраструктура и т.п.) и виртуальными объектами (валютная система, бюджет, СМИ, иные социальные институты), что требует иной, нетерриториальной функционально-институциональной структуры власти.

Итак, положение территориальных образований (национальных и субнациональных) таково, что современные экономисты с полным правом могут относиться к ним как к фирмам, производящим услуги другим фирмам. Все это было справедливо и в XX, и в XIX веке. Но глобализация изменила скорость конкурентных процессов, структуру входных барьеров и структуру рынка территорий. Если раньше на приобретение или утрату конкурентных преимуществ территории уходило десятилетия, то сейчас – годы, а то и месяцы. При этом у каждого сектора рынка территорий повысились входные барьеры для территорий из иных секторов, что создало целую группу территорий и стран, где ни какое экономическое

развитие невозможно, как это случилось на значительной части Африки и некоторых регионах России. Напротив, внутри отдельных секторов рынка территорий со снятием многих старых барьеров конкуренция все более приобретает не олигопольный характер, а форму рынка монополистической конкуренции, а в некоторых случаях – и совершенной.

Для нашего исследования вывод следующий: территориальные системы управления – это институты, производящие социальные и инфраструктурные услуги и находящиеся в условиях всё нарастающей и ускоряющейся конкурентной борьбы за ресурсы и влияние, как со стороны других территориальных образований, так и иных (нетерриториальных) коммерческих и некоммерческих организаций.

Асимметричные формы конкуренции территорий с разными традициями хозяйствования

Европейская, исламская, индийская, дальневосточная, латиноамериканская, российская и другие традиции хозяйствования с совершенно разными наборами аутентичных им элементов экономической системы вступают в активную конкурентную борьбу не только за ресурсы, но и за право исторической самореализации своей управленческой культуры. Отдельные территории с разными традициями хозяйствования активно конкурируют между собой за место в международном разделении труда. Эта конкуренция отражается в социально-экономической и политической истории цивилизаций, состоящей из последовательной цепи взаимных вызовов и ответов. Важнейший вызов современной истории, сделанный всем цивилизациям, – это вызов мирового господства европейской цивилизации, в XVI-XX веках колонизировавшей почти весь мир. Современная глобальная ситуация такова, что можно говорить об оформившихся ответах на этот вызов со стороны большинства других цивилизаций.

Первые ответы были полностью симметричны стратегии Запада: это создание собственных колониальных систем Османской, Российской и Японской империями. Такие ответы потерпели полное фиаско: все они были разгромлены вооруженным путем. Симметричные ответы в силу своей симметричности не создавали конкурентных преимуществ. Стратегия импортозамещения и догоняющего развития по определению была обречена на вечное отставание. Столь же неуспешное повторение этой стратегии осуществлено и в Латинской Америке.

Первой попыткой осуществить асимметричный ответ на вызов Запада был проект СССР. Но концептуальной основой его проектирования была не цивилизационная, а классовая асимметрия. По сути, проект был построен методом отрицания выявленных в то время проектных решений Западной цивилизации и зафиксирован в идеологии коммунизма. Да и разработан он был в Европе. Следовательно, при импорте не учитывались традиции российского общества. Результатом стало построение системы управления с неаутентичной для россиян иерархической координацией. Эта неаутентичность и стала основой внутренних причин гибели советской цивилизации.

Несмотря на явные противоречия культуры и примененной системы управления этот первый опыт асимметричного ответа создал явные конкурентные преимущества, заложив тем самым стратегическое направление результативного развития неевропейских обществ, дал для других цивилизаций пример адекватного ответа на вызов европейской цивилизации и потребовал от Западного мира напряжения всех сил в конкурентной борьбе с советским социализмом. Примечательно, что советское общество так и не смогло избавиться от импортных социалистических иллюзий и воспринять холодную войну с Западом как форму конкурентной борьбы цивилизаций. Нет этого понимания среди большинства российской элиты и до сих пор.

Первым удачным асимметричным ответом на вызов Запада была стратегия послевоенной Японии. Вслед за ней эту стратегию использовала китайская диаспора в юго-восточной Азии и Южная Корея, а ныне – Китай. Суть этой стратегии – в максимальном использовании традиций своей цивилизации, которые почти во всем оказались полной противоположностью западных традиций. Это привело к возникновению аутентичных культуре систем управления, обладающими такими конкурентными преимуществами, которые европейцы в силу своей культурной обусловленности не могли ни превзойти, ни даже повторить.

Безусловным следствием реализации этих преимуществ при наличии избыточных и достаточно квалифицированных трудовых ресурсов стало перемещение в восточно-азиатский регион центра мирового промышленного производства, а в ближайшем будущем – крупнейшего по емкости мирового рынка сбыта. В этих условиях сохранение за Западом первенства в информационных и наукоемких технологиях можно считать временным явлением, особенно учитывая высокий интеллектуальный потенциал китайского народа.

Основной проблемой здесь может стать традиционная для этого региона консервация состава элитной группы, исключая вертикальную мобильность, в сочетании с порождаемым высокими темпами развития социальным напряжением и поддерживаемой извне пропагандой демократических

ценностей. По завершении урбанизации в Китае высока вероятность повторения сценария советской перестройки, последствия реализации которого с учетом огромной численности населения превзойдут на порядок негативные последствия реформ в постсоветском пространстве.

Принципиально другой тип ответа на вызов Запада дали граничные европейскому миру исламская и центральноамериканская цивилизации. С одной стороны в силу близости культур они не могли конкурировать с Западным миром в индустриализации. С другой – по мере исчерпания внутренних природных и трудовых ресурсов в Европе и северной Америке они поставили европейцев в зависимость от своей сырьевой и демографической политики.

Важнейшим элементом этой асимметричной стратегии является не сырьевая, а демографическая политика. Это самое слабое звено европейской модели развития: принципы индивидуализма и равенства, распространяясь на семейные отношения, в корне подорвали ранее господствовавшие христианские основы семьи, а развитые социальные гарантии создали существенные альтернативы инвестициям в собственных детей. Результат известен – депопуляция.

Демографический взрыв, создав множество внутренних проблем развивающимся странам, стал неотразимым ответом на экспансию и ускоренное развитие Запада. Демографические тенденции таковы, что США неизбежно будут колонизированы латиноамериканцами. В Европе, избравшей стратегию создания крупнейшего в мире внутреннего рынка, мусульмане уже стали важным этноконфессиональным меньшинством, а с интеграцией Турции и стран Магриба по численности они почти сравниваются с католиками.

Среди 13 стран-членов ОПЕК 7 арабских стран и только 3 неисламские, что позволяет классифицировать стратегию этой экономической группы как стратегию исламского мира. Дефицит энергоносителей привел к тому, что тут сконцентрировались огромные свободные финансовые ресурсы. Наложение финансового фактора на демографический и культурный породил самый известный конфликт современности.

Суть его в том, что близость культур создает в общественном сознании как европейцев так и мусульман иллюзию, что представители другой группы – просто заблуждаются, и их можно сравнительно легко исправить. Когда это не удастся, то разочарование при невысоком уровне массовой культуры порождает агрессию, а при высоком уровне образования – культурно-идеологическую экспансию, что только усиливает отчуждение, а далее переходит в открытый конфликт. Наличие этих процессов с обеих сторон мы и наблюдаем. Демографические и макроэкономические тенденции таковы, что у европейцев нет шансов выйти из этого конфликта без существенных потерь.

В результате на Ближнем Востоке сложилась двоякая стратегия развития. Первая – квазиевропейская, образцом которой стала Турция, направленная на максимально быструю интеграцию в европейский мир. Вторая – панисламистская, направленная на сохранение исламской идентичности и претендующая в перспективе на мировое господство. Обе эти стратегии не исключают, а полноценно дополняют друг друга, что можно говорить о сложившейся системе управления:

- вывоз сырья обеспечивает финансирование исламской идентичности как внутри, так и вовне исламского мира, а также систем национальной безопасности, важнейшее место в которых занимает обретение ракетно-ядерного оружия;
- вывоз трудовых ресурсов и интеграция отдельных стран в Европейское сообщество при сохранении исламской идентичности делает весьма реалистичным проект исламской колонизации европейского субконтинента с целью создания самого крупного и влиятельного мирового объединения.

Роль исламского терроризма в этой ситуации, скорее всего, провокационная: это самое сильное идеологическое средство поддержания исламской идентичности. Хотя и фактическое вытеснение европейского населения с занимаемых им территорий может быть следствием экстремистских процессов: такова ситуация в Косово, а в перспективе – в Израиле, который прекратит свое существование при сворачивании финансовой поддержки извне.

Иная картина наблюдается в североамериканском анклав европейской цивилизации. Латинская Америка не обладает ни сравнимыми с исламом средствами идеологической идентификации, ни финансовыми ресурсами ОПЕК. Кроме того, латиноамериканцы не воспринимают европейскую культуру как чуждую или подлежащую исправлению. В связи с этим колонизация США носит исключительно мирный характер, и будет выражаться первоначально в переориентации политики с позиции мирового лидера на собственно внутриамериканские проблемы.

Эта переориентация и будет концом господства европейской цивилизации, так как основа аутентичной латиноамериканцам сетевой системы управления – демократические институты – уже давно существуют. Несмотря на возможное сопротивление консервативных групп WASP (белые англосаксы протестанты) в Америке сложится достаточно благоприятная ситуация для формирования единого

экономического пространства на основании общей уравнительной культуры, сетевой координации и демократических систем управления без каких-либо претензий на мировое господство. С этой точки зрения современные США – страна недоразвитого социализма, имеющего вполне благоприятные условия стать образцовой социалистической страной.

Индийское общество столкнулось с целым рядом вызовов: первоначально – от европейской цивилизации, а следом – и от исламской и дальневосточной. Борьба за независимость, раскол страны по религиозному признаку, медленное избавление от неаутентичных моделей управления, доставшихся в наследство от европейских колонизаторов, национально-религиозный сепаратизм и внешняя агрессия, демографический взрыв и угроза голода, резко возросшая конкуренция за внешние инвестиции – немалый перечень проблем для полувековой истории. Это в условиях огромной численности населения и самой маленькой из мировых цивилизаций территорией.

Пока говорить о полноценном асимметричном ответе на эти вызовы не приходится. Безусловно, имеются успехи в формировании аутентичной традициям системы управления, в целом избавившейся от постколониального наследия европеизированной ИНК. Но симметричные ответы на демографический взрыв и гонку вооружений со стороны исламского мира и инвестиционный бум трудоизбыточной и трудолюбивой Восточной Азии не позволяют надеяться на обретение устойчивых конкурентных преимуществ индийской цивилизации. Отдельные успехи в некоторых отраслях и секторах мирового рынка (фармацевтика, программирование) только подтверждают эту неутешительную картину.

В целом современная Индия являет собой стратегию догоняющего развития, но не в отношении мирового лидера, а в отношении ближайших конкурентов – исламского и восточно-азиатского миров. Похожая ситуация с разными отклонениями сложилась и в странах юго-восточной Азии, которые также конкурируют за инвестиции западного и исламского миров, Японии и китайской диаспоры.

Африканская цивилизация с точки зрения наличия конкурентных преимуществ и уровня экономического развития – наименее обеспеченный регион мира. Реальным ответом на вызовы окружающего мира здесь является следующая цепь событий: демографический взрыв, обнищание и голод, внешняя помощь, коррупция, невыплачиваемые долги... Пример Зимбабве показывает, что в этой ситуации легко уничтожаются даже те немногие жизнеспособные экономические структуры, которые остались от колониальной эпохи.

Несмотря на разгром в холодной войне положение российской цивилизации выглядит лучше, чем у Африканского мира. Но в целом современная Россия и ее постсоветская периферия – один из аутсайдеров мирового цивилизационного соревнования с самым маленьким населением и самыми суровыми природными условиями. Важнейшим отличием от большинства других неевропейских миров является завершившаяся индустриализация: большинство населения живет в городах и занято в непроемкой сфере. Можно сказать, что Россия вступила в постиндустриальную эпоху. Только это иной, не западный и не японский тип постиндустриального общества.

Попытка импортировать на волне неолиберализма западную модель хозяйствования вылилась в дезинтеграцию, деиндустриализацию, деинтеллектуализацию и депопуляцию общества. Деморализация элиты достигла такого уровня, что ни одна группа политиков даже не попыталась предложить обществу адекватные его природе и ситуации формы существования. В этих условиях провозглашенный в разных словах наиболее авторитетными людьми России лозунг выживания вполне соответствует создавшемуся положению. Вопрос лишь в том, будет ли эта задача решена аутентично культуре, уровню достигнутого развития и положению нашего общества в мире или мы обретем новую идеологическую химеру. На неслучайное решение этой задачи и направлено наше исследование (см. также [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]).

Асимметричные формы конкуренции национальных и субнациональных территорий

Переход многих управленческих функций на наднациональный и субнациональный уровни резко снизил роль межнациональной конкуренции. Можно сказать, что теперь государство – не основной, а один из нескольких значимых уровней управления территориями. В числе субнациональных уровней обычно выделяются региональный (в т.ч. членов федераций) и муниципальный, каждый из которых может иметь подуровни. Особое значение приобретает уровень отдельного населенного пункта, если это крупный город, так как он не просто территориальное образование, а сложный инженерный комплекс, требующий качественно более сложных управленческих решений, чем обычный регион.

Все это привело к возникновению нового типа конкуренции территорий – между разными уровнями управления. Даже если не брать во внимание сепаратистские проявления, то все произошедшие за последние два десятилетия политические и экономические изменения отношений между федеральной властью России и субъектами федерации, а тем более между крупными городами и субъектами федерации в своей основе имеют конкуренцию за власть, деньги, материальные и нематериальные ресурсы.

Фактические методы конкурентной борьбы территорий, которые для российской ситуации будут рассмотрены ниже, в своей основе имеют несколько различных подходов, в научной литературе не совсем корректно называемых парадигмами [15. С. 84]. Базовая модель европейской системы управления рассматривала регион как территорию, на которой осуществляют свою предпринимательскую активность субъекты хозяйственной деятельности. Ныне этот подход трансформировался в модель региона-рынка, при этом ареал региона рассматривается не только в территориальных границах с другими регионами, а как зона влияния этого региона на территории других регионов. Регионы как бы накладываются друг на друга. Благодаря такому размытому взгляду на регион административные границы перестают играть какую-либо значимую роль.

В этом случае особую роль приобретают даже не отдельные производственные, товарные, трудовые, финансовые и информационно-знанияевые ресурсы или их комплексы, а территориальное размещение центров принятия решений. Конкуренция между территориями здесь выражается в борьбе за создание и привлечение на свою территорию таких центров. Наиболее известным случаем реализации этой модели является неокOLONИализм, где центры принятия решений в отношении развивающихся стран находятся в бывших метрополиях или в международных экономических институтах (МВФ, ВТО, Всемирный банк). Исследования похожих процессов проведены и в России, например, доклад ЦСИ ПФО «На пороге новой регионализации России» [16].

Среди наиболее ярких примеров такой конкуренции можно назвать перенос части федеральных институтов управления и, особенно, головного офиса Газпрома из Москвы в Санкт-Петербург, что сделано петербургским лобби с целью пока, к сожалению, малоуспешного формирования второго в России постиндустриального центра развития. Второй пример – постиндустриальная судьба Курганской области, оказавшейся в неокOLONИальной зависимости от соседних регионов: промышленные ресурсы выведены в Свердловскую область, сельское хозяйство контролируется из Челябинской, а высвободившиеся трудовые ресурсы вывозятся на временные работы в Тюменскую, а вся «социалка» осталась руководству региона.

Взгляд на регионы-рынки мы обнаруживает в теории диффузных инноваций (*Т. Хегерланд*), теории регионального жизненного цикла, теории полюсов развития (*Ф. Перру, Ж. Будвиль, Х.Р. Ласуэн*), теории осей развития (*П. Потье*), моделях управления точками роста. Все они в отличие от «чистых» теорий размещения, направленных на решение задач размещения без учета ранее принятых решений о размещении, практически применимы в первую очередь в отношении территорий с высокой плотностью хозяйственной деятельности.

Ряд современных российских исследователей придерживается так же подхода к региону как к рынку. Это в первую очередь разработки либерально-ориентированных научных и учебных учреждений и аналитических центров: ГУ-ВШЭ, Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, Экспертного института, фонда «Центр стратегических разработок». Региональной политике эти разработчики предлагают в первую очередь рыночные концепции и косвенные методы воздействия на рыночные экономические системы (*Е.Г. Ясин, Т.Г. Морозова, П.А. Минакер, Г.В. Гутман* и др.)

Второй подход к понятию региона – это регион-квазигосударство, по которому целью развития региона является комплексность его освоения, при этом в отличие от понимания региона как рынка регион-квазигосударство является не объектом, а субъектом развития. Наиболее полно теоретические и прикладные разработки этого подхода осуществлены отечественными учеными, среди которых выделяются теория оптимального функционирования экономики – СОФЭ (*Д.С. Львов* и др.), теория экономического районирования на основе территориально-производственных комплексов (*Н.Н. Колосовский, М.К. Бандман*), воспроизводственный подход к управлению развитием регионов и обоснование расширения их экономической самостоятельности (*Р.И. Шнипер*), экономико-математические модели развития региона (*В.Л. Макаров*).

Полноценное применение этих моделей в СССР за исключением проектов развития малоосвоенных территорий сдерживалось политикой отраслевых государственных монополий. В современной России наряду с продолжающимся использованием их для освоения природных ресурсов (Например, ФЦП по Нижнему Приангарью) концепция комплексного развития территорий стала теоретической основой политики консервативного развития регионов и сепаратистских тенденций, что характеризует ее как главный инструмент асимметричной конкуренции региона с государством.

Значительная часть современных российских исследователей обслуживают именно эти заказы руководителей субъектов РФ [17. С. 8-9, 18, 20]. Таковы взгляды многих ученых РАН, РАГС, МГУ, Института экономики УрО РАН, научных и учебных заведений южного федерального округа (*Р.А. Попов, В.И. Немчина, В.Г. Игнатов, В.И. Бутов, Н.П. Кетова*), других исследователей (*И.В. Арженовский, Л. Романова, Л. Шафигуллин*). Итогом выполнения этого заказа является зауживание объекта исследования

регионоведения до территориально-административных и политико-правовых объектов, в первую очередь – до субъектов федерации, что существенно снижает и методический инструментарий исследований, и проектные возможности науки. Нередко предлагаемые методы комплексного социально-экономического управления регионом оказываются нереализуемы в рамках существующей политико-экономической системы страны не только из-за институциональной недопроектированности органов управления, но в первую очередь из-за явного отсутствия заказчиков такого типа развития.

В европейской регионалистике этот подход представлен в исследованиях, посвященных производственным факторам и иными макроэкономическими моделями. Так теория адаптированности к условиям постиндустриального общества определяет комплекс акцентов региональной политики, позволяющих определить адекватность региональной политики современным условиям хозяйствования. Наибольшую распространенность в мире получила концепция устойчивого развития, в развитие которой внесли свой вклад и отечественные исследователи: *А.Г. Гранберг, В.А. Коптюг, Л.И. Абалкин, Д.С. Львов, В.Л. Макаров* и др. [18]. Концепция устойчивого развития смыкает модели региона-квазигосударства с моделями региона-квазикорпорации.

Третий подход – регион-квазикорпорация, также рассматривает регион как комплекс, но не с макроэкономических, а с микроэкономических позиций, т.е. как объект собственности и участника хозяйственного оборота. Такой подход во главу угла ставит поиск конкурентных преимуществ региона. Наиболее известной практической и теоретической моделью этого подхода является модель директивной экономики, реализованной в СССР, нацистской Германии и послевоенной Японии, использовавших ее как инструмент догоняющего развития или в конкуренции за мировое господство с англо-американскими лидерами.

Современные теории развития не дают более результативной модели для развивающихся стран, чем противопоставление неоколониальной политике ТНК, развитых стран и их международных институтов асимметричной протекционистской политики государства. Изменяются только параметры конкуренции в зависимости от уровня развития лидеров мировой экономики. Если в индустриальную эпоху протекционизм был направлен на обеспечение конкурентоспособности использования промышленных факторов (модели *У. Ростоу, Харрода-Домара, А. Льюиса, Дж. Фая и Г. Рейниса, Х. Ченери*), в 70-80-е годы – на институциональные преобразования (теории внешней зависимости и неоклассическая контрреволюция, несмотря на свою полную противоположность, в этом и только в этом совершенно солидарны), то в современной экономической ситуации – на использование человеческого капитала (концепция эндогенного роста – новая теории роста).

Такая эволюция теорий экономического развития показывает постепенное их приближение к результирующему критерию развития территории с точки зрения подхода к региону как к квазикорпорации – критерию оптимальной специализации региона в территориальном разделении труда. Именно этот критерий отличает подход регион-квазикорпорация от комплексности подхода регион-квазигосударство и эффективности подхода регион-рынок. В соответствии с критерием оптимальной специализации решают задачу развития региона теория экономической базы, теория местного роста, теория создания благоприятной среды для нововведений.

Особым, и возможно единственным крупномасштабным случаем применения на субнациональном уровне подхода к региону как к корпорации является приватизация 90-х годов в России. Субъекты федерации и крупные города (не без активного участия и федеральных властей) в этих условиях обеспечили беспрецедентный в истории человечества инвестиционный бум. Единственным специфическим условием этого бума было то, что он произошел исключительно на вторичном фондовом рынке, без инвестиций в реальный сектор экономики.

Целенаправленное создание административных барьеров в ходе приватизации как асимметричных форм конкуренции создали целую гамму последствий этой реформы собственности:

- с одной стороны – возникновение в исторически мимолетные сроки практически из ничего сплоченных территориальных групп крупных отечественных собственников, минимизировавших гипертрофированно высокие общенациональные риски директивной экономики;
- с другой – возникновение одного из самых высоких уровней концентрации капитала, социального и имущественного неравенства и разрушение ценностной основы сетевого общества – доверия – основного источника накопления социального капитала.

Количественная оценка стоимости и рисков этих противоположных процессов, заменивших риски директивной экономики рисками рыночной экономики развивающихся стран, вряд ли возможна и теоретически и практически. Для научного исследования важно зафиксировать этот факт реализации проекта реструктуризации рисков как средства асимметричной конкуренции регионов с государством, ТНК и между собой.

Четвертый подход к понятию региона – регион-социум. Этот подход выходит за пределы собственно экономических взглядов на регион, это – общесоциальный подход, в котором конкурентоспособность регионов определяется по демографическим параметрам, параметрам качества жизни, удовлетворенности потребностей и интересов, качеству и количеству человеческого и социального капитала, а в целом – по выравниванию уровней социально-экономического развития территорий.

Такой подход является самым необеспеченным с проектно-концептуальной точки зрения. С одной стороны, он наиболее понятен для неспециалистов и потому имеет явный потенциал популистского использования, с другой – не предлагает управленцам достаточно надежных инструментов достижения целевого результата, кроме, разве что патерналистско-дотационной модели развития. Наличие разнообразных методов исследования и анализа неравномерности развития (например, теория обострения региональных диспропорций, теория кумулятивных причинных связей *Г. Мюрдала*) и неравенства регионов ни коим образом не компенсирует этот инструментальный вакуум.

Определенную связь с подходом к региону как к социуму можно обнаружить в интеграционной теории предприятий *Г.Б. Клейнера*, показывающей, что предприятия поддерживают взаимные обязательства и ответственность и тем самым обеспечивают устойчивость экономической системы, т.е. создают социальный капитал, источником которого является доверие. Уровень доверия как внутри региона, так и во внешних связях региона может быть важнейшим параметром конкурентоспособности региона с точки зрения подхода к региону как к социуму. Понимание этой задачи можно найти и в России. Так в Открытом письме ученых отделения экономики РАН Президенту, Федеральному Собранию и Правительству [19] прямо указывается, что главное и единственное условие, способное спасти Россию от грозящего ей разрушения, состоит в восстановлении доверия.

Несмотря на явную асимметрию методико-инструментальных средств управления национальными и субнациональными территориями в пользу рыночных и квазигосударственных подходов видно, что в числе этих средств можно найти инструменты, аутентичные каждой из культур хозяйствования. Разнообразие концепций межцивилизационной конкуренции, конкурентных преимуществ культур хозяйствования, обеспеченности производственными ресурсами и, особенно, уровнем развития хозяйственных институтов требует намного большего разнообразия институциональных решений и методическо-инструментальных средств управления территориями с разными культурами хозяйствования, чем мы можем найти в рекомендациях прозападных международных институтов (МВФ, Всемирный банк, ВТО). Полное изложение взглядов на поднятые в настоящей статье вопросы можно найти в [20].

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в Удмуртском государственном университете (г. Ижевск, Россия), проект № 15-18-00049

The study was financially supported by the Russian Science Foundation at Udmurt State University (Izhevsk, Russia), project No. 15-18-00049

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Игнацкая М. А. Новая экономика: опыт структурно-функционального анализа. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 304 с.
2. Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем. Опыт исследования децентрализованной экономики : курс лекций / Гос. ун-т – Высш. шк. Экономики ; пер.: Н. А. Макашева, Е. В. Виноградова, А. А. Качанов. – М. : Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2001. – 248 с.
3. Лютенс Ф. Организационное поведение : учебник для вузов / пер. с англ. О. Е. Гончаровой и др. ; науч. ред. С. Р. Филонович. – пер. с 7-го изд. на англ. яз. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 692 с. – (Унив. учебник).
4. Шихирев П. Н. Введение в российскую деловую культуру : [учеб. пособие] / Гос. ун-т упр., Нац. ф. подгот. кадров. – М. : Новости, 2000. – 200 с.
5. Савельев М.Ю. Управление межнациональными отношениями и этносоциальными процессами средствами мультикультурного институционального проектирования в целях прогнозирования, предупреждения и регулирования конфликтов // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.36-44.
6. Савельев М.Ю. Проект парадигмы синергизма экономической науки // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.28-35.

7. Савельев М.Ю. Свойства экономических знаний // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.52-64.
8. Савельев М.Ю. Структурный анализ текстов по самоорганизации и самовоспроизведению // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.96-103.
9. Савельев М.Ю. Синергетическая структура текстов социальных теорий // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.127-137.
10. Савельев М.Ю. Синергетическая структура денежной системы // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.150-154.
11. Савельев М.Ю. Критика теорий переходной экономики // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.155-159.
12. Савельев М.Ю. Специфика разработки теоретических знаний для управленцев // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.45-51.
13. Савельев М.Ю. Современные изменения в структуре экономических знаний // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.260-265.
14. Савельев М.Ю., Савельева М.Г. Методологическая культура как предвестник новой парадигмы экономической науки: что нужно делать с образованием высших управленцев // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.470-479.
15. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики : учебник для вузов / Гос. ун-т –Высш. школа экономики. – 5-е изд., стереотип. – М. : ГУ ВШЭ, 2006. – 496 с.
16. Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа. Доклад «На пороге новой регионализации России». – Ижевск : Митра-информ, 2001. – 123 с.
17. Игнатов В. Г., Бутов В. И. Регионоведение (экономика и управление) : учеб. пособие. – М. : Тесса ; Ростов н/Д : МарТ, 2000. – 416 с.
18. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / под ред. А. Г. Гранберга, В. И. Данилова-Данильяна, М. М. Циканова, Е. С. Шопхоева. – М. : Экономика, 2002. – 414 с.
19. Открытое письмо ученых Отделения экономики РАН Президенту, Федеральному собранию и Правительству Российской Федерации // Россия и современный мир. – 1998. – Вып. 4(21); Экономическая наука современной России. – 1998. – Экспресс-выпуск; Экономика и жизнь. – 1998. – № 37. – С. 2–3.
20. Савельев М.Ю. Мультикультурный институционализм: Общая экономическая теория цивилизаций. Политическая экономия традиционализма. Проект сетевого общества : [монография]. – Ижевск : Ассоц. по методол. обеспечению деловой активности и обществ. развития «Митра», 2015. – 488 с.

M. Yu. Savelyev

AS THE GLOBALIZATION OF THE ECONOMY AND TRADITIONALIZATION CHANGE THE ECONOMIC PICTURE OF THE WORLD

The paper uses structural analysis to explore the existing conceptual and methodological tools of competition between territories with different management cultures in order to identify the forms of competitive struggle and evaluate the variety of tools used in this struggle in the conditions of two oppositely directed processes – globalization and traditionalization of the world economy. The author considers strategies of intercivilizational competition, including intercivilizational borrowings of management culture elements. It is shown that territorial management systems are institutions that provide social and infrastructural services and that are under increasing and accelerating competition for resources and influence, both on the part of other territorial entities and other (non-territorial) commercial and non-profit organizations. The paper deals with issues of symmetric and asymmetric forms of competition between territories with different management traditions. It is shown that the European, Islamic, Indian, Far Eastern, Latin American, Russian and other economic traditions of management with their completely different sets of authentic elements of the economic system go into intense competition not only for resources but also for the right to implement their management culture. Studying the competition between national and subnational territories, the author characterizes models of economic development of regions: the region as a market, the region as a quasi state, the region as a quasi corporation, and the region as a society. The author has explored methodological and instrumental means of national and subnational territories management. The paper reveals considerable asymmetry of these means for the model of the region as a market and the region as a quasi state with a substantial deficit for the model of the region as a society.

Key words: globalization, traditionalization, interpenetration of cultures, authenticity of culture, competition between civilizations, competition between territories, management achievements of civilizations, strategies of intercivilizational competition, competition between subnational territories

Савельев Михаил Юрьевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Удмуртский государственный университет, 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1 корп. 1, доцент, Ижевский государственный технический университет имени М.Т.Калашникова, 426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 7, председатель совета директоров, Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 426008, Россия, г. Ижевск, ул. Пушкинская, д. 241.
savelievmihail@mail.ru
+7-3412-433115
+7-9508-292517

Mikhail Saveliev, Ph.D., Senior Researcher, Udmurt State University Universitetskaya st., 1/1, Izhevsk, Russia, 426034 Associate Professor, Izhevsk State Technical University Student's st., 7, Izhevsk, Udmurt Republic, 426069 Board Chairman, Association of methodological support business and community development "Mitra", Pushkinskaya st., Izhevsk, Udmurt Republic, 426007, E-mail: savelievmihail@mail.ru
+7-3412-433115
+7-9508-292517